

ВСКРЫТІЕ ЖИВОГО ТРУПА Л.Н.ТОЛСТОГО

ЭТЮДЪ ОРТ.ИЛАРІОНА БИБИКОВА

И. ВИБИКОВЪ (Или-Или).

ВСКРЫТІЕ ЖИВОГО ТРУПА

Л. Н. ТОЛСТОГО.

ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ.

„Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“.

Не нужно искать добрыхъ дѣлъ, подвиговъ. Если только будешь дѣлать то, что отъ тебя требуется сейчасъ, въ томъ положеніи, въ которомъ ты находишься, наилучшимъ образомъ, по-христіански, во всю, то жизнь будетъ полна и нечего будетъ искать добрыхъ дѣлъ и подвиговъ.

(На 23 апрѣля, стр. 319 «Кругъ чтенія»,
изданіе „Посредника“.)

Толстой-художникъ и Толстой-мыслитель давно разошлись,—это общеизвѣстно и признано самимъ великимъ романистомъ. Толстой-художникъ любилъ людей, понималъ ихъ взаимныя отношенія, пѣлъ любовь, женщинъ и вино—однимъ словомъ, любилъ жизнь ради общества людей, ради самой радости жизни. Отшельникъ-мыслитель отрицалъ все, воспѣтое художникомъ, и проповѣдывалъ и защищалъ идею личной свободы, закрѣпощенной строемъ и всѣми условіями нашей жизни, той жизни, которую Толстой такъ зналъ, такъ въ послѣдствіи ненавидѣлъ и когда-то такъ любилъ.

Ни въ одномъ изъ произведеній Толстого борьба художника и мыслителя не была такой жаркой и беспощадной, какъ въ посмертно-изданномъ, противъ воли автора, „Живомъ Трупѣ“.

Скрыть или хотя бы задержать появленіе „Живого

Трупа“ въ печати было бы величайшимъ преступленіемъ, хотя и говорятъ, что напечатанъ, въ сущности, будто только черновой набросокъ, полный ошибокъ и погрѣшностей, неизбѣжныхъ, впрочемъ, при рожденіи всякаго произведенія ума или рукъ человѣческихъ. Если бы художникъ къ концу жизни побѣдилъ мыслителя, то Толстой давно и легко сгладилъ бы, въ сущности, небольшія неровности драмы. Если бюрократовъ-юристовъ шокируютъ грубыя нарушенія статей устава уголовного судопроизводства, педанту-психологу кажется маловѣроятнымъ цитированіе полуграмотной цыганкой Машей произведенія Чернышевскаго, а эстетъ найдетъ нѣсколько неудачными слова Федора Протасова, когда онъ говорилъ, что ушелъ отъ жены будто бы потому, что у Лизы не было „изюминки“, то скажите, какой вредъ эти небольшія шероховатости принесли цѣльности впечатлѣнія, производимаго на читателя всей драмой. Дайте прокорректировать ее любому начинающему юристу, выбросьте два слова изъ діалога Маши о Чернышевскомъ, обратите вниманіе на то, что и въ этой фразѣ, какъ и въ словѣ „изюминка“, обнаруживается лабораторная мысль художника,—и окажется, что драма не имѣетъ недостатковъ ни съ внутренней, ни съ внѣшней стороны. Съ перваго и до послѣдняго почти слова все въ „Живомъ Трупѣ“ на своемъ мѣстѣ. Языкъ, образы, сравненія, все—толстовское, образцы и перлы нашей литературы. Съ первой же сцены интересъ драматическаго дѣйствія захватываетъ читателя. Развитиѣ драмы изумительное, мысли, въ нее вложенныя, затрагиваютъ величайшія проблемы и современной жизни и жизни вообще. Динамическая сила генія Толстого съ особенной яркостью выразилась въ быстротѣ развитія сценической задачи, поставленной себѣ авторомъ. Менѣе, чѣмъ въ часъ, въ чтеніи предъ вами проходитъ вся гамма самыхъ сложныхъ человѣческихъ ощущеній, и если, какъ въ современной музыкѣ, диссонансы чувствъ часто не разрѣшаются, то это потому, что въ самомъ Тол-

стомъ, какъ и въ его посмертномъ произведеніи, боролись два противоположныхъ другъ другу элемента — искусство, какъ стремленіе къ воплощенію мысли, и философія, какъ отвлекающее мысль изъ всего воплощаемаго. Искусство и философія не могутъ консонировать потому, что первое убиваетъ послѣднее и наоборотъ. Въ „Живомъ Трупѣ“ художникъ создалъ Лизу, а мыслитель по образцу и подобію своему сотворилъ Федю, и замѣчательно, что созданіе мыслителя въ концѣ драмы гибнетъ.

Несомнѣнно, что разбираемое произведеніе Толстого есть одно изъ величайшихъ его твореній, и вотъ невольно является вопросъ: гдѣ тотъ Бѣлинскій, который одинъ, можетъ быть, могъ бы дерзнуть приступить къ критикѣ „Живого Трупѣ“ по существу? Поэтому, настоящія строки не должны быть названы даже попыткой къ критикѣ или критическому этюду; мы рѣшаемся просто попытаться вскрыть лишь то, что Толстой хотѣлъ сказать этимъ произведеніемъ, какую онъ поставилъ себѣ задачу, и вмѣстѣ съ тѣмъ доказать, къ какому ужасающему для себя результату онъ пришелъ, такъ какъ мы находимъ, что Левъ Толстой собственными руками и несравненнымъ гениемъ исключительнаго художественнаго дарованія своего именно въ посмертномъ твореніи своемъ обратилъ въ трупъ Толстого-мыслителя и потому только при жизни не выпустилъ этой драмы въ свѣтъ.

Раньше, чѣмъ мы приступимъ къ вскрытію основныхъ мыслей Толстого, выраженныхъ въ подлежащемъ изслѣдованію произведеніи, мы не можемъ уже по внѣшнимъ признакамъ не отмѣтить безспорнаго параллелизма между романами „Анна Каренина“ и „Живой Трупѣ“. Въ обоихъ произведеніяхъ Толстой безпощаднымъ судомъ судилъ и осудилъ какъ Анну Каренину за то, что она измѣнила своему долгу, бросила ребенка, оскорбила мужа и погубила себя, такъ и Елизавету Каренину за то, что,

имѣя ребенка и честнаго мужа, она по тѣмъ же побужденіямъ, какъ и духовная сестра ея, Анна, сдѣлала хуже послѣдней, ибо, соблюдая приличія, столь дорогія ей наслѣдственно отъ матери, Анны Павловны, имѣя ребенка,—заставила мужа себя бросить. Если „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“ привело Анну Каренину подъ колеса паровоза, то какой казни достойна должна быть Елизавета Каренина, не имѣвшая смѣлости „честно“ сказать себѣ и мужу—я полюбила, или готова полюбить другого. Толстой осудилъ Елизавету Протасову, какъ собственными словами ея, когда она говоритъ, узнавъ о смерти Федора: „его я погубила“, „оставь меня“, такъ и словами Саши,—типа идеальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ жизненнаго, когда она говоритъ: „Федя, я восхищаюсь передъ тобой“ и „если бы я была на ея мѣстѣ и ты бы отвѣтилъ то, что ты отвѣчаешь,—это было бы ужасно для меня“. Наконецъ, самая страшная казнь для Лизы наступаетъ въ тотъ моментъ, когда обращенный ею въ трупъ Федоръ Протасовъ, ради нея лишившійся болѣе чѣмъ жизни и ушедшій на дно человѣческаго существованія, когда этотъ несчастный колѣнопреклонно проситъ мать своего ребенка „простить его“ за то, что онъ живъ.

I.

Послѣ поверхностныхъ газетныхъ отзывовъ какъ о самой драмѣ, такъ и о постановкѣ „Живого Трупа“ на сценахъ Московскаго Художественнаго и Петербургскаго Императорскаго театровъ, намъ представляется необходимымъ доказать, что самъ Л. Толстой дѣйствительно осудилъ Лизу Протасову и дѣйствительно въ „Живомъ Трупѣ“ продолжилъ основную мысль, выраженную въ романѣ „Анна Каренина“. Для этого нужно только самимъ текстомъ драмы установить, что

Елизавета Протасова не была брошена Федоромъ, а заставила его бросить себя.

Прежде всего, врядъ ли можно сомнѣваться въ томъ, что Л. Толстой случайно назвалъ Каренинымъ человѣка, за котораго вышла замужъ Елизавета Протасова.

Если Каренина вызываетъ представленіе о совершенно опредѣленномъ женскомъ типѣ у всѣхъ насъ, почитателей художественнаго генія Толстого, то легко себѣ вообразить, какъ долженъ былъ въ свое время сжиться, полюбить и вмѣстѣ возненавидѣть самъ авторъ героиню своего романа.

Съ самымъ именемъ Карениной у Толстого необходимо должна была быть связана мысль о ней, а, слѣдовательно, уже по одному тому формальному основанію, что Толстой Протасову выдалъ замужъ за Каренина, можно было подозрѣвать внутреннее сродство Лизы и Анны Карениныхъ. И дѣйствительно, въ одной и той же средѣ родились, воспитались и жили онѣ обѣ. Можетъ быть, не безъ умысла Толстой назвалъ именемъ Анны родную мать Протасовой.

Если Анна Каренина не находила удовлетворенія всѣмъ своимъ физическимъ и нравственнымъ запросамъ въ семейной жизни, благодаря возрасту мужа и вслѣдствіе коренного различія во взглядахъ, темпераментѣ и во всей духовной сущности Каренина, то Елизавета Протасова также отчуждена отъ Федя разностью міровоззрѣній. Обѣ женщины равно могутъ быть названы антиподами своихъ мужей: и Анна и Лиза Каренины одинаково ставили выше всего свое личное счастье, обѣ одинаково въ извѣстный моментъ должны были притти къ сознанію, что это личное счастье потерпѣло крушеніе, и обѣ равно пришлось съ начала строить жизнь, перейдя при этомъ черезъ трупъ счастья первыхъ мужей.

Съ другой стороны, хотя различіе между Алексѣемъ Каренинымъ и Федоромъ Протасовымъ неизмѣримо глубоко, но и тотъ и другой одинаково—люди, стремящіеся къ неуклонному исполненію своего долга, хотя бы въ прямой

ущербъ личному счастью. Алексѣй Каренинъ, какъ сановникъ, свѣтскій человѣкъ и, главнымъ образомъ, какъ „джентльменъ“, понимаетъ свой долгъ болѣе формально, но затѣмъ, разъ сознавъ свою обязанность, онъ не останавливается такъ же, какъ и Федоръ Протасовъ, ни передъ какими препятствіями, чтобы исполнить свой прямой долгъ до конца.

Главное различіе между Анной и Елизаветой Карениными, конечно, въ силѣ темперамента. Анна въ своемъ стремленіи къ личному счастью разсуждаетъ мало, отдается своему чувству и властно подчиняется ему; Елизавета—болѣе практична и, несомнѣнно, находится подъ вліяніемъ своей матери, Анны Павловны.

Однако, всѣмъ такимъ разсужденіямъ о сходствѣ идеи романа и драмы можетъ быть противопоставлено то, что Анна Каренина бросила своего мужа и притомъ мужа хорошаго, въ исполненіи долга безукоризненнаго, и не бросила своего ребенка, а Елизавета была вмѣстѣ съ ребенкомъ оставлена мужемъ, и притомъ, мужемъ слабымъ, пьянствующимъ и, наконецъ, ухаживающимъ за цыганкой. Такъ понимаютъ Федора Московскій Художественный театръ и Александринскій, но такой взглядъ на героя драмы Толстого противорѣчитъ самому тексту этого произведенія.

По тексту Саша говоритъ Аннѣ Павловнѣ: „онъ (Федя) не дурной, а, напротивъ, удивительный человѣкъ“ и „нельзя разлучаться съ мужемъ и особенно такимъ, какъ Федя“. Самому Федѣ Саша говоритъ въ тотъ моментъ, когда Федоръ, назвавъ себя „лишнимъ, препятствіемъ“, отказывается исполнить ея просьбу вернуться къ женѣ: „Я восхищаюсь тобой“. Мнѣніе Саши, сестры Лизы, о Федорѣ имѣетъ глубокое значеніе. Мы даже беремъ на себя смѣлость утверждать, что это есть мнѣніе самого Толстого. Саша—дѣвушка, а Толстой, конечно, смотрѣлъ на дѣвушекъ совсѣмъ иначе, нежели вообще на женщинъ. Толстой-художникъ и Толстой-мыслитель одинаково презирали женщину, какъ препятствіе

къ освобожденію духа отъ плоти, и одинаково идеаломъ нравственной чистоты считали дѣвушекъ, какъ то видно изъ всѣхъ его романовъ и повѣстей. Впрочемъ, въ этомъ сходятся всѣ великіе русскіе писатели. Слова „дѣвушка“ и „самопожертвованіе“ у всѣхъ — почти синонимы. Достаточно вспомнить невѣсту Дмитрія Карамазова, Аглаю изъ „Идіота“, Татьяну Пушкина, которая и въ замужествѣ оставалась дѣвственной. И Федоръ Протасовъ прямо говоритъ Пѣтушкову: „Да, знаете, если бы эти чувства проявились у дѣвушки нашего круга, чтобы она пожертвовала всѣмъ для любимаго человѣка, а тутъ цыганка — и это чистая, самоотверженная любовь“.

Сама Лиза протестуетъ противъ всякихъ обвиненій мужа со стороны матери („Прошу васъ не говорить такъ про моего мужа“). Точно также Лиза протестуетъ и противъ мнѣнія Каренина о томъ, что Федоръ можетъ хоть въ чемъ-нибудь уклониться отъ исполненія своего слова („Каренинъ: Я подумалъ бы, что онъ нарочно это дѣлаетъ. — Лиза: Онъ. Нѣтъ, это все та же его слабость и честность, не хочетъ говорить неправду“). Тутъ же Лиза называетъ Каренина эгоистомъ, чувствуя невозможность допустить мысль о вліяніи матеріальныхъ побужденій на поступки Федора. Въ ребенкѣ своемъ Лиза хотѣла бы видѣть безъ исключенія „все, все сердце отцовское“. Узнавъ о томъ, что Федоръ живъ, въ эту полную ужаса минуту, Лиза восклицаетъ: „о, какъ я ненавижу его!“ и, однако, она не въ состояніи произнести ни одного слова упрека по адресу этого, даже ненавистнаго, человѣка.

Оставляя рядъ другихъ указаній героевъ драмы въ сторонѣ, такъ какъ мы, кажется, ломимся въ этомъ отношеніи въ открытую дверь, слѣдуетъ признать какъ безспорное положеніе, что Федоръ не только идеально честенъ и чистъ самъ по себѣ, но что и Лиза смотрѣла на него такъ же, даже съ своей точки зрѣнія.

И вотъ жизнь съ такимъ человѣкомъ у Лизы не сложилась. Почему? Невозможно говорить, чтобы у Лизы были бы какіе-нибудь запросы физическіе или нравственные, которыми Федя не отвѣчалъ бы, такъ какъ этого въ драмѣ нѣтъ, и если можно съ увѣренностью сказать, что, давая характеристику Лизы (см. примѣчанія отъ редакціи, изданіе „Посредника“), Толстой употреблялъ не совсѣмъ въ обычномъ значеніи слово „наивная“, то во всякомъ случаѣ Лиза—женщина „слабая“ въ полномъ смыслѣ этого слова. Окружающей средой она вполне довольна, живетъ изо дня въ день, къ идеаламъ никакимъ не стремится и имѣетъ мужа молодого, во всякомъ случаѣ интереснаго и, какъ мужчину, не слабого.

Почему же, спрашивается, жизнь этой слабой женщины съ хорошимъ человѣкомъ не сложилась? Толстой устами Федора разъясняетъ этотъ вопросъ категорически. Въ разговорѣ съ Пѣтушковымъ, когда трещина семейной жизни обратилась уже въ непроходимую пропасть, когда время заставляетъ Федора быть снисходительнымъ къ бывшей своей женѣ, онъ говоритъ: „она какъ будто любила меня“; князю Абрезкову Федоръ говоритъ опредѣленно, говоритъ подъ напоромъ внезапнаго чувства, что „Каренинъ любилъ ее съ дѣтства. Можетъ быть, и она его любила, когда вышла за меня“, хотя „какъ женщина честная, даже себѣ не признавалась въ этомъ, но это... какая-то тѣнь лежала на нашей семейной жизни“. Это невольное признаніе—драгоцѣнное свидѣтельство со стороны человѣка, никогда не лгавшаго. Это есть единственная причина, почему жизнь Лизы не сложилась съ хорошимъ человѣкомъ. Съ самаго начала Лиза не любила своего мужа, а любила Каренина. Въ этомъ сознается и сама Лиза, когда она говоритъ Каренину, что у нея не только не было никакой ревности при извѣстїи о мнимомъ, по нашему мнѣнію, увлеченїи Федора цыганкой, но Лиза прямо говоритъ: „Мнѣ совѣстно, но я должна сказать, что то, что я узнала про эту цыганку, совсѣмъ освободило меня. Не думаю,

чтобы это была ревность. Это не ревность, а знаешь, освобождение“. Чудовищное утверждение Лизы, будто она любила двоихъ, понятно, не требуетъ опроверженія. Сама Лиза говоритъ, что она была бы въ такомъ случаѣ безнравственной женщиной. И такъ, узнавъ о другой, о цыганкѣ, она „освободилась и почувствовала, что можетъ, не солгавъ, сказать, что любить Каренина“.

Такимъ образомъ, Лиза чувствомъ Федора была связана раньше, чѣмъ онъ обратилъ вниманіе на какую-либо женщину, кромѣ нея. Связывало ее, конечно, только то, что Федоръ ее любитъ, а если любовь связываетъ женщину, то естественно, что женщина этого, связывающаго своей любовью, мужа—не любитъ. Мотовство и кутежи, по мнѣнію Толстого, не могли ни въ какомъ случаѣ послужить причиной разлада. Для этого достаточно вспомнить романъ Долли и Стивы Облонскихъ, достаточно взглянуть въ окружающую насъ и теперь жизнь. Лиза не бѣдствовала, не голодала, ребенокъ ея рѣшительно ничего не лишился. Чужого, тѣмъ болѣе женинаго, Протасовъ не растрчивалъ и, наоборотъ, отдалъ женѣ все свое состояніе. Слѣдовательно, нѣкоторая распушенность Федора не можетъ играть роли при выясненіи вопроса о причинахъ разлада. Наоборотъ, женщины, требуя отъ мужчины физической силы, — предпочитаютъ въ нихъ духовную слабость.

Необходимо подробнѣе остановиться на словахъ Лизы: „Я освободилась и почувствовала, что могу, не солгавъ, сказать, что люблю тебя. Теперь въ душѣ у меня ясно и меня мучаетъ только мое положеніе. Этотъ разводъ, это все такъ мучительно. Это ожиданіе“, а въ той же 2-ой картинѣ (явленіе 1): „Я чувствую, что вся полна, купаюсь въ своемъ счастьѣ. Все: и Мика поправился, и твоя мать меня любитъ, и ты, главное я, я люблю“. Эти фразы имѣютъ огромное значеніе для характеристики Лизы, потому что въ нихъ обнаруживается вся сущность этой женщины. Замѣьте, она

можетъ теперь сказать, не солгавъ, что любить Каренина. Значить, ранѣе она могла говорить это, лишь солгавъ. Каренину сказать, что его любить и лгать — она не могла, ибо въ этомъ никакой надобности не было. Слѣдовательно, она лгала кому-то другому и, несомнѣнно, мужу своему Федору. По чисто женской логикѣ она именно должна была употребить свое выраженіе нѣсколько наоборотъ, ибо ложь ея заключалась не въ томъ, что она лгала Каренину, увѣряя его въ своей любви, а въ томъ, что она лгала мужу своему, умалчивая объ отсутствіи любви къ нему. Въ такомъ отношеніи къ правдѣ Лиза прямо противоположна Федору. Федоръ хочетъ быть въ согласіи съ истиной непосредственно и просто; Лиза же, даже сознаваясь во лжи, говоритъ неправду. Тысячу разъ правъ Федя, когда онъ говоритъ Абрезкову, что честная женщина даже себѣ не признается въ томъ, въ чемъ признаться ей почему-либо трудно или невозможно. Слово „честная“ въ этой фразѣ не должно насъ смущать. Изъ всего облика князя и его стараго друга Анны Дмитріевны Карениной ясно, что эти люди признаютъ лишь правду свѣтскую, формальную и притомъ доводятъ свое отношеніе къ такой правдѣ до послѣднихъ предѣловъ послѣдовательности. Для Анны Дмитріевны ужасно то, что ея любимый сынъ собирается жениться на разведенной, и всякую разведенную она называетъ грязной женщиной, конечно, не потому, что она принадлежала другому, а потому, что разводъ будто бы противорѣчитъ христіанской морали. Слѣдовательно, честной женщиной князь Абрезковъ вмѣстѣ съ Анной Дмитріевной называютъ такую, которая честна лишь формально, т. е. честна въ свѣтскомъ смыслѣ этого слова: не развелась, не устраиваетъ шума около своего имени и идетъ проторенной дорожкой свѣтской морали. Такая женщина, по мнѣнію Федора, т. е. Лиза, „хотя и всегда любила Каренина, но въ этомъ и себѣ не признавалась“. Еще болѣе характеризуетъ Лизу фраза о томъ, что она кушалась въ своемъ

счастьѣ, и то, что въ ея счастье „главное я, я люблю“. Въ этой фразѣ обнаружился весь фізіологическій эгоизмъ Лизы. Если Каренинъ тоже свѣтскій человѣкъ, тѣмъ не менѣе настолько увлекся Лизой, что прямо говоритъ: „я люблю тебя не для себя“, то Лиза, купаясь въ счастіи и упрекая себя въ эгоизмѣ, прямо сознается въ томъ, что даже въ любви она любитъ только себя и называетъ себя главнымъ,—а мы прибавимъ,—и единственнымъ лицомъ.

Итакъ, достаточно было привести нѣсколько точныхъ выдержекъ изъ текста драмы, чтобы притти къ безспорному, по нашему мнѣнію, выводу, что Лиза съ самаго начала не любила своего мужа, во-первыхъ, потому, что это люди разной нравственной породы и, во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что Лиза настолько эгоистична, что любить въ собственномъ смыслѣ этого слова уже не можетъ. Въ ней нѣтъ даже настоящей материнской любви. Конечно, Лиза безпокоится, когда ребенокъ боленъ, радуется, что у него оказалась болѣзнь неопасная, но это обнаруживаетъ опять-таки только фізіологическое свойство любви Лизы къ ребенку. Но обратите вниманіе на то, что Лиза, держа на колѣнахъ своего и Федора сына, допускаетъ безъ протеста Каренина объяснять, какимъ образомъ онъ дошелъ до своего счастья. Каренинъ, по его словамъ, былъ несчастливъ; узнавъ о бракѣ Лизы съ другимъ, онъ сталъ почти счастливъ; замѣтивъ въ Лизѣ искру чего-то большого, чѣмъ дружба, онъ сталъ мучиться лишь страхомъ о нечестности по отношенію къ своему другу Федору. Когда Федоръ—этотъ другъ—сталъ мучить жену, Каренинъ былъ уже совсѣмъ счастливъ; когда же Федоръ сталъ невозможенъ, онъ, Каренинъ, воспользовался этимъ и сказалъ все, а Лиза не сказала нѣтъ и это сдѣлало Каренина уже вполне счастливымъ.

Припомните обстановку, при которой происходилъ этотъ разговоръ. Казалось бы, одно присутствіе ребенка должно было сковать уста Каренину, высказавшемуся, что

онъ быть счастливъ, когда отецъ этого ребенка, по его мнѣнію, портился и погибалъ; но какова же мать, которая держитъ сына Федора на своихъ колѣнахъ и слушаетъ такія признанія Каренина въ любви, купаясь въ счастіи. Стоитъ немного вдуматься въ то, что хотѣлъ сказать Толстой этой сценой, и не можетъ у безпристрастнаго читателя или слушателя драмы оставаться хотя бы малѣйшее сомнѣніе въ томъ, что Толстой глубоко презиралъ Лизу. Доказывается это еще и тѣмъ, что Толстой тутъ же казнить Лизу той же казнью, какой казнилъ когда-то Анну Каренину. Непосредственно послѣ того, какъ Каренинъ произнесъ свою тираду, а Лиза безстрастно выслушала ее, тотъ же Каренинъ говорить женщинѣ, только что сжегшей ради него корабли своего былого семейнаго счастья: „теперь я мучаюсь прошедшимъ. Хотѣлось бы, чтобы не было прошедшаго, не было бы того, что напоминаетъ о немъ“. Несомнѣнно, что Каренинъ, еще не женившись на Лизѣ, уже носитъ въ сердцѣ своемъ червь сомнѣнія,—сомнѣнія въ томъ, да можно ли вообще быть счастливымъ съ такой женщиной, какъ Лиза. Одно изъ двухъ: или Каренинъ ревнуетъ Лизу къ Федору, еще даже не обладая ею, или въ душѣ его начинается тотъ внутренній разладъ, который всегда сопровождаетъ прелюбодѣянiе сколько-нибудь порядочнаго человѣка. Изъ приведенной фразы Каренина логически слѣдуетъ, что, если бы жизнь Лизы и Каренина послѣ свадьбы не закончилась, въ собственномъ смыслѣ слова, скамьею подсудимыхъ, то, несомнѣнно, Лизу Каренину постигла бы та же участь, которая постигла Анну Каренину, т. е. морально Каренинъ бросилъ бы Лизу, если бы путы церковнаго брака и свѣтскихъ приличій и заставили бы его считать себя связаннымъ съ нею навѣки.

II.

Послѣ такой характеристики главныхъ героевъ своихъ, сдѣланной самимъ Толстымъ, мы, уже съ меньшими опасеніями быть непонятыми, приступимъ къ главному вопросу о томъ, дѣйствительно ли Лиза была брошена мужемъ, или, наоборотъ, она заставила своего мужа бросить себя ради того ея „я“, которое она сама называетъ главнымъ, и даже не ради Каренина, если онъ въ любви ея не главное.

Вся драма „Живого Трупъ“ доказываетъ, что Толстой не только великій романистъ, но и величайшій драматургъ нашего времени. Если на широкомъ поприщѣ романиста со всѣми доступными ему средствами психологическаго анализа авторъ можетъ и долженъ развивать послѣдовательно психологію героевъ, то всякій большой драматургъ тѣмъ и отличается отъ мелкаго, что предоставляетъ развитіе полутоновъ чувствъ, чрезъ которые проходятъ герои, всецѣло усмотрѣнію актеровъ. Драматургъ ставитъ только вѣхи, даетъ мысль, основную идею отдѣльнаго положенія, а дѣло актера воплотить эту мысль автора въ жизнь людей со всѣми неуловимыми движеніями души, ума и сердца ихъ.

Актеръ, и только актеръ, вложивъ всѣ индивидуальныя силы своего дарованія, можетъ воплотить данный драматургомъ остовъ драмы. Можетъ быть, поэтому Московскимъ Художественнымъ театромъ, гдѣ, несомнѣнно, режиссеры руководятъ актерами, главная сторона „Живого Трупъ“ была наиболѣе неправильно освѣщена. Дѣйствительно, можетъ ли режиссеръ пережить личную драму каждаго дѣйствующаго лица? Очевидно, нѣтъ, а подчиненный режиссеру актеръ теряетъ индивидуальную силу напряженія чувствъ, лишается проникновенія, т. е. перестаетъ быть настоящимъ артистомъ. Если бы Росси, Дузе, Комиссаржевская играли бы въ Художественномъ театрѣ болѣе или менѣе долгое время, то они

лишились бы своихъ талантовъ или порвали бы всѣ пути наложенныя на нихъ режиссерами, и разстроили бы гармонію инсценировокъ Художественнаго театра. Далеко не восхищаясь постановкой дѣла въ Императорскомъ Александринскомъ театрѣ, мы, однако, на „Живомъ Трупѣ“ убѣдились, что хотя и бюрократически управляемый, но придерживающійся старыхъ традицій театръ, не чуждый нѣкотораго новшества, можетъ вырабатывать актеровъ, даже лишенныхъ большихъ дарованій, но актеровъ опытныхъ, образованныхъ и вдумчивыхъ, которые могли до извѣстной степени понять кульминаціонную точку драмы Толстого, а если не вполне понять, то во всякомъ случаѣ почувствовать, что Лиза не брошена, а бросила Федора, заставила его бросить себя. Не почувствовать этого положительно невозможно, если хоть сколько-нибудь вдумчиво отнестись къ роли Лизы.

Завязка драмы по Толстому весьма проста: Анна Павловна говоритъ Каренину въ началѣ, что „дѣла разстроены, все заложено, платить нечѣмъ“. Наконецъ, дядя присылаетъ двѣ тысячи рублей внести проценты. Федоръ ѣдетъ съ этими деньгами и пропадаетъ. Жена сидитъ съ больнымъ ребенкомъ и, наконецъ, получается письмо—прислать ему бѣлье и вещи.

Вотъ и все. Каково должно быть естественное движеніе сколько-нибудь любящей жены, сколько-нибудь сознающей свой долгъ, хотя бы формальный, предъ мужемъ, если онъ—по слабости ли, распушенности или подъ вліяніемъ минутнаго увлеченія, истратилъ деньги, необходимыя для семьи, и притомъ не все состояніе, а сравнительно небольшія деньги. Вспомнимъ при этомъ, что Федоръ Протасовъ отдалъ женѣ „все свое состояніе“, какъ говоритъ Саша на несправедливое обвиненіе въ растратѣ Протасовымъ женинаго имущества. Изъ этого можно даже заключить, что Федоръ былъ богатъ, когда женился, а Лиза была дѣвушка бѣдная. Отсюда уже естественно слѣдуетъ выводъ, что Анна Павловна должна была уговаривать Лизу-дѣвушку не ждать

уѣхавшаго за границу Каренина, который, можетъ быть, и не вернется, а выйти замужъ за наличнаго и притомъ не бѣднаго Федора.

Итакъ, отдавъ все свое состояніе женѣ, Федоръ затѣмъ началъ его проматывать, и, наконецъ, истратилъ двѣ тысячи рублей. Всякая сколько-нибудь порядочная женщина не можетъ бросить своего мужа или согласиться разбить семейную жизнь изъ-за денегъ. Это настолько безусловно вѣрно, что то же почувствовала даже Лиза, когда она въ первую минуту сама поѣхала къ Афремову узнать, гдѣ мужъ; ей сказали, что онъ поѣхалъ къ цыганамъ и— „вотъ этого...—говорить Лиза— боюсь. Знаю, что если его не удержать во-время, онъ увлечется. *Вотъ это-то и нужно*“. Этой фразы Лизы, этого положенія не поняли ни Художественный, ни Александринскій театры, ибо, если бы они поняли это, то поняли бы всю драму Толстого такъ, какъ онъ ее написалъ. Попробуемъ проанализировать слова Лизы въ соотвѣтствіи со всей драмой. И что же оказывается? Получивъ первое письмо отъ мужа, указывающее на его рѣшительное желаніе разойтись, потому что онъ чувствуетъ себя виноватымъ, Лиза ѣдетъ къ Афремову узнать, гдѣ онъ, очевидно, для того, чтобы его найти, очевидно, чтобы его вернуть—она прямо говоритъ, что съ ея стороны дурно бросать мужа при тѣхъ обстоятельствахъ, которые имѣли мѣсто, при всемъ поведеніи мужа, при всемъ предыдущемъ. Именно потому, что дурно бросать такого мужа съ такими его винами, она ѣдетъ узнать, гдѣ онъ, въ намѣреніи его вернуть, но отъ Афремова Лиза узнаетъ, что онъ у цыганъ, не у цыганки, а у цыганъ. Не ревность останавливаетъ Лизу, не негодованіе на то, что онъ промѣнялъ семейную жизнь на женщину, продающую, если не свою душу, то свои ласки, не оскорбленная гордость жены и матери, а нѣчто другое, а именно, она боится „этого увлеченія и знаетъ, что, если его не удержать во-время, то онъ увлечется“. Следовательно, тутъ-то и нужно удержать—онъ слабъ, увлеченіе

пройdetь навѣрное, если этому никогда не лгавшему чело-
вѣку, этому чело-вѣку своего долга *par excellence*, жена прямо
скажетъ, что изъ-за увлеченія онъ измѣняетъ долгу; и вотъ
Лиза торжественно признается Каренину, что этого его
увлеченія не надо останавливать, такъ какъ, наоборотъ: „вотъ
это-то и нужно“.

Здѣсь нѣтъ случайной ошибки Толстого. Здѣсь тоже Тол-
стовская характеристика отношеній Лизы къ своему мужу, и
всякія по этому поводу сомнѣнія устраняются, если мы сопо-
ставимъ приведенную фразу Лизы съ ея же фразой о томъ,
что, узнавъ объ увлеченіи Федора цыганкой, она освобо-
дилась, что это увлеченіе для нея, Лизы, есть освобож-
деніе. Но пойдѣмъ далѣе. Допустимъ, вопреки всякой оче-
видности, что наше толкованіе психологій Лизы невѣрно,
и что она имѣла какія-нибудь чело-вѣческія основанія отка-
заться видѣть мужа въ тотъ моментъ, отказаться отъ своего
права и обязанности вернуть заблудшаго мужа на правиль-
ный путь.

Если Лиза не могла пойти сама къ цыганамъ, какъ че-
резчуръ свѣтская женщина, не привыкшая быть въ такомъ
низкомъ, по ея мнѣнію, обществѣ, да еще въ моментъ по-
пойки (хотя и самыя свѣтскія женщины не считаютъ зазор-
нымъ въ отдѣльных кабинетахъ распивать шампанское и
слушать тѣхъ же цыганъ), то къ кому должна была обра-
титься она, если дѣйствительно хотѣла, чтобы ея мужъ вер-
нулся? Ну, конечно, ко всѣмъ, кромѣ Каренина, такъ какъ
обращаться съ просьбой вернуть мужа къ тому, кого Лиза
любитъ и кто любитъ Лизу, прямо чудовищно. Но, можетъ
быть, обстоятельства сложились такъ, что больше не къ
кому было обращаться, и Лиза хоть въ этомъ отношеніи
говорить правду Сашѣ и самому Каренину. Однако, Толстой
фактами доказалъ, что Лиза лгала и притомъ лгала на этотъ
разъ сознательно. Толстой наградилъ Лизу сестрой Сашей.
Это—дѣйствительно чистая и дѣйствительно порядочная дѣ-

вушка. Она любитъ и Федора, любитъ и Лизу и Федоръ ее любитъ и уважаетъ; ее не связываютъ путы свѣтскихъ приличій, и она по собственной иниціативѣ скоро отправится къ Федѣ, въ домъ холостого мужчины, во время попойки, съ той же цѣлью. Вотъ, естественно, къ кому должна была обратиться Лиза, если у нея нѣтъ ни одного друга, которому она могла бы съ большей легкостью поручить самое главное дѣло своей жизни. Однако, Лиза Сашѣ порученія этого не даетъ, ибо понимаетъ, что если сама она, несомнѣнно, вернетъ мужа, то Саша можетъ этого достигнуть, а поэтому Лиза не идетъ сама, не проситъ о томъ Сашу, а обращается къ Каренину, такъ какъ знаетъ, что Каренинъ исполнить ея порученіе наоборотъ тому формальному слову, которое она скажетъ ему. Самъ Каренинъ удивленъ въ первую минуту, не понимаетъ, какъ могла Лиза къ нему обратиться съ такой просьбой, и въ своемъ возраженіи ставитъ ей этотъ вопросъ. И опять Лиза говоритъ свою новую неправду. Она говоритъ: „я прошу васъ, потому что вы любите Федора“, но Каренинъ тутъ же возражаетъ ей: „и васъ“. Теперь спрашивается, какимъ же образомъ Каренинъ, котораго Лиза знаетъ съ дѣтства, который даже радовался тогда, когда отношенія Федора съ женой портились,—какимъ образомъ этотъ, влюбленный въ Лизу, человѣкъ сдѣлаетъ хотя бы что-нибудь, могущее возстановить нарушенное равновѣсіе отношеній между супругами? Конечно, Лиза—слабая женщина въ нравственномъ смыслѣ этого слова, но она умна, хитра и понимаетъ окружающихъ ее людей прекрасно. Она видитъ насквозь и Сашу и Каренина, знаетъ, что Саша исполнить порученіе и, можетъ быть, съ успѣхомъ, а Каренинъ навѣрно сдѣлаетъ все, чтобы Федоръ не вернулся. Вотъ почему Лиза посылаетъ Каренина.

Событія оправдали оказанное такимъ образомъ Каренину довѣріе. Онъ, дѣйствительно, сдѣлалъ все, чтобы Федоръ не могъ вернуться къ женѣ. Не французской же

фразой при передачѣ письма могъ онъ подвинуть Федора оставить цыганъ, и, когда Федоръ негодующе и удивленно говорить, что онъ хотя и пьянъ, но въ этомъ дѣлѣ видитъ ясно и не понимаетъ все-таки, почему именно Каренинъ исполняетъ такое порученіе жены, то Каренинъ имѣетъ наглость сказать человѣку, котораго онъ хотя и называетъ другомъ, но который есть его естественный врагъ, что онъ проситъ его вернуться къ женѣ не ради ребенка, ибо о немъ онъ даже не упоминаетъ, не ради жены, а ради его, Каренина. Нужны были вся выдержка Протасова, весь лоскъ его прошлой свѣтской жизни, чтобы не ударить въ этотъ моментъ Каренина въ лицо. Мало того, почти насмѣшкой со стороны Федора звучитъ, когда онъ на это говоритъ Каренину, явно переставляя слова: „я негодяй, а ты хорошій человѣкъ“. Послѣ этого Каренинъ уже не проситъ Федора вернуться къ женѣ, а ищетъ отступленія, понимаетъ, что невозможно говорить о женѣ, и потому предлагаетъ Федору поѣхать къ нему, Каренину, „а завтра...“, но Федоръ перебиваетъ его: „и завтра все, все буду я—я, а она—она, зубъ лучше сразу выдернуть. Я вѣдь говорилъ, что если я опять не сдержу слова, то чтобы она бросила меня“. Значитъ, въ эту минуту Федоръ ясно понималъ, что не онъ бросаетъ Лизу, а Лиза бросаетъ его. Это Толстой сказалъ всѣми буквами, и нужно только удивляться, почему эта фраза проходитъ такъ блѣдно на сценахъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Въ этой фразѣ—отвѣтъ на поставленный вопросъ, что Лиза не была брошена, а заставила себя бросить. Такъ какъ Каренинъ болѣе не дѣлалъ ни одного усилія вернуть Федора къ женѣ, то мы въ правѣ сказать, что Каренинъ блестяще выполнилъ порученіе и лишилъ своего друга возможности вернуться къ женѣ.

III.

Федоръ говоритъ, что жена не сознавалась въ любви къ Каренину, но то, что она заставила своего мужа себя бросить, это Лиза прекрасно сознавала и лишь скрывала отъ себя, какъ способна только женщина сознательно обманывать себя для того, чтобы не нарушать своего спокойнаго настроенія. Не представляется никакихъ затрудненій, въ данномъ случаѣ, доказать, что Лиза дѣйствительно сознательно заставила мужа бросить себя. Если Лиза дѣйствовала сознательно въ этомъ направленіи, то она должна была принять на себя и отвѣтственность за послѣдствія своихъ дѣйствій. Вотъ и важно выяснить, заставляетъ ли Толстой Лизу сознавать себя отвѣтственной за гибель мужа. Изъ точнаго текста драмы видно, что, когда Каренинъ прочелъ Лизѣ письмо Федора о его самоубійствѣ, то Лиза не только признаетъ себя въ этомъ виновной, говоря: „Его *я* погубила“, но тутъ же обращается къ Каренину, какъ къ своему сообщнику въ убійствѣ Федора. Если правда, что въ послѣдствіи Лиза даже не взглянула на трупъ человѣка, котораго она считала своимъ мужемъ и отцомъ своего ребенка, то въ этотъ моментъ, узнавъ внезапно о послѣдствіяхъ своего къ нему отношенія и о томъ, что онъ лишилъ себя жизни, Лиза духовными глазами своими ясно видѣла трупъ своей жертвы. Всякій болѣе или менѣе опытный криминалистъ-наблюдатель скажетъ вамъ, что преступники по окончаніи кроваваго злодѣянія прежде всего караются свыше тѣмъ, что начинаютъ очень часто у самаго бездыханнаго трупа жертвы, въ первую же минуту, ненавидѣть другъ друга. Это, между прочимъ, одна изъ причинъ, почему убійства такъ рѣдко остаются нераскрытыми. И Лиза возненавидѣла Каренина въ эту минуту, а Толстой обнаруживаетъ это въ ея почти безумномъ крикѣ: „оставь меня“! Почти одно-

временно Лиза, какъ бы смотря на трупъ и какъ бы обращаясь къ нему, говорить: „люблю его, одного люблю“. Теперь необходимо сопоставить моментъ, когда Лиза узнаетъ о смерти Федора, съ моментомъ, когда изъ повѣстки судебного слѣдователя она узнаетъ о томъ, что онъ живъ.

Если чувство раскаянія и сознание своего преступленія заставляютъ ее говорить—я люблю его одного,—то въ то время, когда оказалось, что преступленіе не совершилось и что Федоръ живъ, она говоритъ: „о, какъ я ненавижу его“. Значить, она любитъ Федора только потому, что онъ мертвъ, и ненавидитъ только за то, что онъ живъ, и эти чувства Лиза выражаетъ словами совершенно опредѣленнаго смысла. Слѣдовательно, съ самаго начала Лиза хотѣла устранить мужа ради своего личнаго счастья.

Можно ли вывести изъ этого заключеніе, что Лиза—сознательная убійца, т. е. сознательно вела своего мужа къ смерти. И да, и нѣтъ. Съ точки зрѣнія уголовного права, намѣреніе Лизы было слишкомъ глубоко зарыто въ тайникахъ ея слабой души. Съ точки зрѣнія высшей морали, той морали, которая для Толстого единственно имѣла цѣнность, и, понимая отвѣтственность по-толстовски, какъ отвѣтственность за внутренній грѣхъ,—можно прямо сказать, что Лиза заранѣе задумала заставить Федора бросить себя и не могла не сознавать, что такой человѣкъ, какъ Федоръ, никогда не лгавшій ранѣе, не шедшій ни на какіе компромиссы, очевидно, неспособенъ просто разойтись съ женою, которую онъ всю жизнь свою любилъ, и, слѣдовательно, Лиза не могла не понимать, что Федоръ долженъ такъ или иначе покончить съ собой,—смертью ли естественной, физической, или смертью неестественной, моральной.

Слѣдователь изъ драмы Толстого, какъ современный судебный дѣятель, предъявилъ Лизѣ явно несостоятельное обвиненіе въ двоемужествѣ, ибо съ самаго начала видно, что она вѣрила самоубійству Федора. Но затѣмъ тотъ же

слѣдователь своими способами устанавливанія такой несуществующей вины вполне заслужилъ обличительную противъ себя рѣчь Федора, называемую Толстымъ единственно разумной человѣческой рѣчью въ протоколѣ. Такой слѣдователь, конечно, не могъ возвыситься до представленія Толстого о добрѣ и злѣ. Толстой поставилъ обвиненіе Лизы въ моральномъ убійствѣ прямо и честно и осудилъ ее безъ всякаго снисхожденія: встрѣтивъ въ камерѣ судебного слѣдователя Федора и выслушавъ его діалогъ со слѣдователемъ, Каренинъ почувствовалъ потребность хотя бы съ высоты своего барскаго величія, хотя бы снисходительно протянуть руку Федору, а Лиза устояла на ногахъ („Лиза проходитъ“), видя передъ собой на колѣнахъ мужа, когда онъ просилъ простить его за то, что онъ живъ. Въ эту критическую и для всякой другой высокодраматическую минуту Лиза все же не могла признать себя виновной въ нравственномъ убійствѣ Федора только потому, что это было у судебного слѣдователя, имѣющаго власть арестовать ее, потому что это было слишкомъ для нея опасно, и, наконецъ, потому, что сознаніе собственной вины до извѣстной степени оправдало бы ее. Это ли не презрѣніе къ Лизѣ со стороны Толстого, это ли не осужденіе и не казнь?

IV.

Въ драмѣ есть какъ будто одно большое и непримиримое противорѣчіе. Федоръ Протасовъ никогда не лгалъ. Онъ не мирился даже съ формальной неправдой и, несмотря на рѣшеніе свое освободить отъ себя жену, не могъ пойти на ложь, требовавшуюся закономъ для того, чтобы разводъ могъ состояться. Всѣ знавшіе Федора единогласно свидѣлствуютъ объ исключительной его правдивости. Вся жизнь его есть служеніе правдѣ. Федоръ олицетворяетъ собою то,

чѣмъ хотѣлъ бы быть Толстой. Въ этомъ отношеніи личность Федора нежизненна, отвлеченна и есть продуктъ Толстого-мыслителя, разъ ставшаго на опредѣленную точку зрѣнія и неопасавшагося, затѣмъ, никакихъ выводовъ, необходимо вытекающихъ изъ основного принятаго имъ положенія. Безъ всякаго сомнѣнія, единственнымъ оправданіемъ Елизаветы Карениной является самъ мужъ ея, но не потому, что онъ слабый человѣкъ, какъ говорятъ Анна Павловна, кн. Абрезковъ и самъ Каренинъ, а потому, что Федоръ слишкомъ чистъ, слишкомъ хорошъ для Лизы—это два полюса. Они по-истинѣ антиподы: „я-я, а она она“—справедливо говоритъ Федя. Вина Федора передъ Лизой въ томъ, что, какъ живое лицо онъ немислимъ, невозможенъ, мы скажемъ больше, нетерпимъ. Федоръ—живой укоръ существующему нашему не только общественному, но и моральному строю. Если читатель всецѣло присоединяется къ Федору, когда онъ говоритъ свою горячую обвинительную рѣчь противъ судебного слѣдователя, чтобы въ первый разъ, по мнѣнію Толстого, попали въ протоколъ разумныя „человѣческія“ рѣчи, то нужно быть не просто любителемъ художественнаго творчества Толстого, а узкимъ сектантомъ опредѣленной политической окраски, чтобы признать абсолютно правильнымъ вопль Федора о томъ, будто стыдно быть предводителемъ, сидѣть въ банкѣ и что, чѣмъ увлекательнѣе игра жизни, тѣмъ стыднѣе жить на свѣтѣ.

Однако, это не значитъ, чтобы Протасовыхъ не было бы въ жизни. По этому поводу Достоевскій въ введеніи къ „Братьямъ Карамазовымъ“ говоритъ, что странности, чудачества есть частность, особенно въ наше время, когда всѣ стремятся объединить частности и найти общій толкъ во всеобщей безтолочи. По собственному же мнѣнію Достоевскаго, чудакъ—„не всегда“ частность и обособленіе, недостойныя вниманія, а напротивъ бываетъ такъ, что онъ-то, пожалуй, и носить въ себѣ иной разъ сердцевину цѣлаго, а остальные люди его эпохи—всѣ,

какимъ-нибудь наплывнымъ вѣтромъ, на время, почему-то отъ него оторвались.

И вотъ Федоръ Протасовъ именно есть такой чудакъ, такая частность, который составляетъ сердцевину цѣлаго, наиболѣе возбуждающаго вниманіе Европы и лежащаго, можетъ быть, въ основѣ всякаго русскаго человѣка.

Но не наша задача останавливаться на общественной сторонѣ вылившихся въ драмѣ воззрѣній Толстого, хотя на почвѣ переживаемаго безвременья и, какъ протестъ противъ современной жизни, только и могъ сложиться нравственный обликъ Федора. Необходимо, однако, поставить и, насколько возможно, въ нѣсколькихъ словахъ попытаться разрѣшить въ высшей степени интересный вопросъ о томъ, какимъ образомъ никогда не лгавшій чудакъ-Федоръ могъ согласиться послѣдовать совѣту Маши и пойти на обманъ и мнимое самоубійство, и нѣтъ ли здѣсь коренного противорѣчія въ самомъ произведеніи Толстого.

Противорѣчіе, конечно, есть, но противорѣчіе сознательное, гениально задуманное и мастерски проведенное въ драмѣ. Потому только „Живой Трупъ“ произведеніе въ высшей степени драматическое, что авторъ поставилъ, какъ основную задачу свою, противоположеніе: борьбу долга основного съ долгомъ ближайшимъ и, какъ то доказывается ходомъ драмы, а также эпиграфомъ къ настоящему очерку, Толстой доказываетъ необходимость для каждаго человѣка исполнять свой ближайшій долгъ и не искать подвиговъ, находясь въ этомъ случаѣ въ полномъ согласіи, какъ мы уже выше сказали, съ величайшимъ христіанскимъ писателемъ Достоевскимъ. И, дѣйствительно, предпочтеніе ближайшаго долга подвигу есть прямой выводъ изъ молитвы Господней—„хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь“, такъ какъ отсюда прямо слѣдуетъ, что долгъ нашъ насущный выше подвига вообще.

Федоръ Протасовъ, вызывающій ранѣе нѣкоторое недоумѣніе своей теоретичностью, столкнувшись съ настоящею

жизнью, обрастаетъ мясомъ, сердце его начинаетъ биться по-человѣчески, и умъ его уступаетъ душевнымъ движеніямъ съ того лишь времени, какъ Федоръ хотя бы на минуту пошелъ на явный компромиссъ и согласился на предложенный ему Машей обманъ. Только съ этой минуты онъ становится человѣкомъ близкимъ намъ, которому нельзя не сочувствовать, нельзя не любить, а такъ какъ возможность такого человѣка всегда была въ Федорѣ и не проявилась только потому, что этому препятствіемъ служила его жена Лиза, то мы начинаемъ понимать, почему Федоръ до этого рисуется Толстымъ, какъ отвлеченный недостижимый идеалъ, почти непонятный и въ жизни совершенно невозможный. Стоило только Федору столкнуться съ порядочной дѣвушкой, способной на истинныя чувства, на настоящій высокій порывъ, способной быть искренней въ любви и неспособной лгать, даже въ важнѣйшемъ вопросѣ своей жизни, и Федоръ сразу преобразился. Придя къ твердому заключенію о необходимости устранить себя путемъ самоубійства, Федоръ, затѣмъ, понявъ, что самоубійство не есть выходъ изъ положенія, что черезъ преступленіе нельзя притти къ благому результату, что никогда цѣль не можетъ оправдать средства. Однако, что именно привело его къ этой метаморфозѣ? Простыя человѣческія слова Машин: „вотъ вздоръ, я отъ тебя не *оттѣплюсь*, *прилѣпилась* я, да и все. А что ты плохо живешь, пьешь да кутишь А ты живой человѣкъ. Брось. Вотъ и все“.

Маленькая фраза. Почти безсвязныя слова, скажутъ, невыровненный стиль чернового наброска, и ошибутся жестоко. Эти слова, эти смятенныя слова, шедшія прямо отъ сердца и врывающіяся въ душу, полная характеристика Машин и страшный приговоръ противъ Лизы. Оставь отца и мать свою и *прилѣпись* къ женѣ своей — вотъ что хотѣлъ сказать Толстой-художникъ, употребляя именно это слово „прилѣпилась“. По мнѣнію Толстого, опредѣленно въ этой

фразѣ выраженному, цыганка Маша могла бы считать себя, благодаря святому чувству своему къ Федору, его нравственно законной женой. Да, именно женой, несмотря на свою дѣвственную чистоту и вопреки каноническимъ правиламъ. Въ эту минуту психологическаго и моральнаго съ ея стороны единенія съ Федоромъ,—во-истину, по отношенію къ Машѣ какъ бы совершилось таинство брака, какъ его понимаетъ Толстой.

Сопоставимъ сказанное Толстымъ относительно Лизы и Федора, и оказывается, что цыганка Маша *прильпнлась* къ Федору, а законная супруга Елизавета Каренина мужа своего *бросила*. Мало того, и замужъ-то вышла безъ любви, и того еще мало—послѣ свадьбы жила съ мужемъ и прижила несчастнаго ребенка безъ любви. Наконецъ, матеріальныя блага въ этомъ бракѣ Лизы играли такую первостепенную роль, что послужили, если не единственной причиной, то, во всякомъ случаѣ, главнымъ поводомъ къ уходу Лизы. Развѣ мы не въ правѣ послѣ этого сказать, что Лиза и послѣ церковнаго брака жила въ прелюбодѣяннѣ и, кромѣ того, въ прелюбодѣяннѣ, основанномъ на матеріальномъ расчетѣ, или, другими словами, продавалась мужу. Такова основная, можетъ быть, мысль Толстого, если вообще можно искать основную его мысль въ „Живомъ Трупѣ“, по обилію такихъ мыслей въ этомъ произведеніи, являющемся неисчерпаемымъ ихъ источникомъ. Фоліанты можно писать по поводу „Живого Трупа“, и все же при каждомъ новомъ чтеніи будутъ рождаться новыя мысли. Таково уже свойство всѣхъ гениальныхъ произведеній вообще и великихъ русскихъ писателей—въ особенности.

Возьмите, напримѣръ, противоположеніе цыганскаго табора и свѣтской гостиной, обыкновеннаго цыганскаго табора—не среди бессарабской природы подъ мягкими лучами южнаго солнца, въ рамкѣ цвѣтовъ и зелени, а цыганъ близъ Стрѣльны или на Черной рѣчкѣ, въ жалкой полуроскошной, полу-

нищенской квартирѣ, въ пьяной компаніи, при тускломъ свѣтѣ проникающаго черезъ закрытые дырявые ставни утра. Такому табору Толстой противопоставилъ не карриатуру, не исключительно мелкихъ и ничтожныхъ людей большого свѣта. Мѣщанскаго типа Анна Павловна, мать Лизы, возмущаетъ читателя отъ начала и до конца. Она бранитъ Федора, она клеветаетъ на него, когда онъ живъ и еще Лизу не отпустилъ. Она хвалитъ Федора за то, что онъ умеръ. Она доктору даетъ деньги мастерски, однимъ словомъ, она — родная мать своей дочери. Но Анна Дмитриевна Каренина и князь Абрезковъ, несомнѣнно, рѣдкіе, вымирающіе, исключительно хорошіе представители боярской Россіи. Послушайте разговоръ Анны Дмитриевны съ Лизой: обманутая ею, поддаваясь на ея хитрость и мнимое отступленіе отъ брака съ Каренинымъ-сыномъ, Анна Дмитриевна забываетъ все ранѣе ею сказанное и говоритъ: „Будемъ любить другъ друга, и Богъ поможетъ намъ найти то, что мы хотимъ“. „Да. Я полюбила васъ (Цѣлуетъ ее. Лиза плачетъ). Но все таки это ужасно“ и даже, когда вошелъ Викторъ и старается поймать мать на словѣ, она не совсѣмъ отказывается отъ сказаннаго, говоря, что „если бы не всѣ эти тяжелыя обстоятельства“, то она „рада была бы (цѣлуетъ ее)“.

Немного ранѣе, въ разговорѣ съ другомъ Абрезковымъ эта же свѣтская Анна Дмитриевна говоритъ, какъ бы провидя правду въ поступкахъ Лизы: „я боюсь ея. Не можетъ хорошая женщина согласиться оставить мужа и хорошаго человѣка“. И далѣе: „Да, но отчего же въ наше время любовь могла быть любовью чистой, любовью-дружбой, которая идетъ черезъ всю жизнь? Таковую любовь я понимаю, цѣню“.

Изъ этихъ словъ Анны Дмитриевны видно, что она въ свое время тоже пережила драму. Мы не знаемъ, конечно, явился ли кн. Абрезковъ до брака Анны Дмитриевны или послѣ, но, во всякомъ случаѣ, эта женщина не бросила мужа ни въ качествѣ жены, ни даже какъ вдова, и усиленъ

нравственного чувства претворила страсть въ дружбу, чѣмъ и заставила Абрезкова уважать себя на всю жизнь. „Теперь“, говоритъ онъ, „новое поколѣніе уже не можетъ довольствоваться идеальными отношеніями“. Вѣроятно, именно Анна Дмитриевна сдѣлала Абрезкова тѣмъ хорошимъ человѣкомъ, который „понималъ Федора“. Не понималъ, конечно, но чувствовалъ, что право и правда не на сторонѣ Лизы, а на сторонѣ ея мужа. И это у человѣка преклоннаго возраста, которому и положеніе, званіе и чины, несомнѣнно, служили большимъ препятствіемъ быть просто человѣкомъ. Однако, кн. Абрезковъ почти прошелъ черезъ игольное ушко. Вотъ какова сила чистой любви, настоящей женственной, но не исключительно женской любви.

Итакъ, Толстой противопоставилъ безъ всякой тенденціозности живыхъ цыганъ съ настоящимъ большимъ свѣтомъ, и сопоставленіе это авторъ создаетъ устами своихъ героев: „Да, знаете“, говоритъ Федоръ, „если бы эти чувства проявились у дѣвушки нашего круга, чтобы она пожертвовала всѣмъ для любимаго человѣка... А тутъ цыганка, вся воспитанная на корысти, и—это чистая самоотверженная любовь. Отдаетъ все, а сама ничего не требуетъ. *Особенно этотъ контрастъ.* Сравненіе табора съ большимъ свѣтомъ оказывается по Толстому невыгоднымъ для якобы культурныхъ людей контрастомъ.

Несмотря на хорошія слова и чувства, тѣ же герои большого свѣта иллюстрируютъ себя сами совсѣмъ иначе, какъ то и нужно было ожидать отъ Толстого. Та же Анна Дмитриевна встрѣчаетъ пришедшую къ ней искать хоть какого-нибудь снисхожденія Лизу напоминаніемъ о Федорѣ, о женитьбѣ на ней, о дружбѣ съ Викторомъ. Отъ такой встрѣчи Лиза начинаетъ „всхлипывать“, а кн. Абрезковъ старается перевести разговоръ на свѣтскіе спектакли. Затѣмъ, Анна Дмитриевна говоритъ, что Викторъ сохранилъ дѣвичью чистоту, добавляетъ, почти какъ клевету, что Лиза

первая, и что она, мать, готовилась отдать сына такой же чистой, какъ онъ, а Лизу онъ не перенесетъ и не будетъ счастливъ.

Такая русская боярыня не выдерживаетъ сравненія даже съ Арманомъ Дюваль изъ „Дамы съ камеліями“, который шелъ къ той же цѣли, однако, приличными средствами, имѣя передъ собой не „порядочную“ женщину, а куртизанку. Жестокость и сухая безсердечность Анны Дмитріевны подтверждается кн. Абрезковымъ, который оговаривается въ разговорѣ съ Анной Дмитріевной, что Лиза сама оставила Федора („какъ же вы осуждаете женщину, которая оставила такого человѣка“).

Теперь сравните великосвѣтскую мать съ родителями Маши—Иваномъ Макаровичемъ и Настасьей Ивановной. Своимъ дикимъ инстинктомъ эти старые некультурные люди чувствуютъ сразу, что не Федоръ увлекалъ Машу, а Маша сама увлеклась и первое слово упрека къ ней. Лишь затѣмъ, въ явномъ гнѣвѣ, Иванъ Макаровичъ говоритъ Федѣ: „нехорошо, баринъ, дѣлаешь, дѣвку губишь“. „Мы тебя любили, сколько задаромъ пѣли, жалѣли“. Дико и грубо старые цыгане уводятъ заблудшую, по ихъ мнѣнію, овцу. Тѣмъ не менѣе, если войти въ психологію коренного цыгана, то читателя почти не коробитъ циничное, съ нашей точки зрѣнія, заявленіе Ивана Макаровича Федору: „Да вотъ не любилъ, когда у васъ деньги были. Записать тогда въ хоръ тысячъ десять и взять бы честь честью. А теперь промотать, крадучи увелъ. Стыдно, баринъ. Стыдно“.

Если цыгане, да еще старые, преслѣдуютъ матеріальныя цѣли, то это понятно, естественно, иначе быть не можетъ: добывать деньги черезъ посредство молодыхъ цыганокъ есть ремесло цыганъ. Однако, въ обществѣ нашемъ нѣтъ того презрѣнія къ цыганкамъ, которое проявляется въ отношеніи къ продажнымъ женщинамъ, потому что цыганка никогда не продается; она есть членъ корпораціи, хора, ея таланты,

красота и даже темпераментъ есть часть общаго капитала, а потому, если цыганка выходитъ изъ хора, она, хотя бы отчасти, обязана возмѣстить убытки корпораціи. Вотъ почему старый цыганъ упоминаетъ о десяти тысячахъ выкупа. Почти неизвѣстны случаи, чтобы цыганки отдавались только изъ матеріальныхъ соображеній. Цыганка всегда искренна, всегда непосредственна, всегда увлекается сама, но никогда не обманываетъ того, кого любитъ. Въ этомъ—объясненіе успѣха цыганъ и поэтому многіе русскіе баре, и въ томъ числѣ родной братъ Л. Н. Толстого, брали себѣ въ жены цыганокъ. Взгляните съ этой точки зрѣнія на Машу, и сравненіе ея съ Лизой—для послѣдней ужасно. Во-истину, Маша—порядочная дѣвушка и намъ представляется понятнымъ, почему Федоръ Протасовъ, жаждавшій хотя бы тѣни такой порядочности въ своей женѣ, не считавшій себя нравственно въ правѣ жить съ такой женой, какъ Лиза, послѣ того, какъ онъ догадался объ отсутствіи въ ней настоящей любви,—бѣжалъ въ таборъ къ Машѣ, чтобы забыться. Также понятно, почему отъ невольнаго сравненія Маши съ Лизой Федору становится еще болѣе стыдно.

Такимъ образомъ, сопоставленіе дикаго табора съ лощенымъ свѣтомъ, безграмотныхъ цыганъ—съ изящными аристократами и притомъ лучшими изъ нихъ, оказывается, по Толстому, не въ пользу культурныхъ людей. Толстой-художникъ и Толстой-мыслитель одинаково признаютъ, что цыгане лучше и нравственно-культурнѣе свѣтскихъ людей. Федоръ, характеризуя свои чистыя идеальныя отношенія къ Машѣ, уже невозможныя въ большемъ свѣтѣ, говоритъ: „У меня къ ней жалости не было. У меня передъ ней всегда былъ восторгъ“, „—и всегда я на нее смотрѣлъ снизу вверхъ. Не погубилъ я ее потому просто, что любилъ. Истинно любилъ. И теперь это хорошее, хорошее воспоминаніе“. А Пѣтушковъ понимаетъ Федора и резюмируетъ „идеально“.

Дальнѣйшій разговоръ между Федоромъ и Пѣтушковымъ становится все болѣе и болѣе интереснымъ для характеристики большого свѣта. Федоръ сознается въ своей собачьей любви къ одной свѣтской дамѣ и, говоря, что пропустилъ свиданіе, не желая быть подлымъ передъ мужемъ, онъ, какъ въ грѣхѣ раскаивается въ томъ, что пропустилъ свиданіе. „А тутъ съ Машей—напротивъ.—Всегда радуюсь, радуюсь, что ничѣмъ не осквернилъ это свое чувство“, этотъ „лучъ солнца“ въ ужасной тьмѣ его несчастной жизни.

V.

Сопоставленіе табора цыганъ съ аристократами и въ особенности приведенная выше цитата, изъ которой видно, что Федоръ, какъ святыню, оберегалъ чистоту Маши и въ грѣхѣ себѣ поставилъ то, что онъ пощадилъ свѣтскую женщину, приводитъ насъ къ необходимости попутно затронуть отношеніе Толстого къ половому вопросу. Да проститъ намъ читатель болѣе подробное цитированіе вышеприведенныхъ словъ Федора: „Федя: Я вамъ что скажу: были у меня увлеченія. И одинъ разъ я былъ влюбленъ, такая была дама красивая—и я былъ влюбленъ, скверно, по-собачьи, и она мнѣ дала rendez-vous. И я пропустилъ его, потому, что счелъ, что подло передъ мужемъ. И до сихъ поръ удивительно: когда вспоминаю, то хочу радоваться и хвалить себя за то, что поступилъ честно, а.... раскаиваюсь, какъ въ грѣхѣ. А тутъ съ Машей—напротивъ. Всегда радуюсь, радуюсь, что ничѣмъ не осквернилъ это свое чувство... Могу падать еще, весь упасть, все съ себя продамъ, весь во вшахъ буду, въ коростѣ, а этотъ брилліантъ, не брилліантъ, а лучъ солнца, да,—во мнѣ, со мной“.

Прежде всего слова Федора о томъ, что вмѣсто радости

онъ испытываетъ какъ бы раскаяніе, создаютъ кажущееся противорѣчіе со всей его личностью. Какимъ образомъ такой человѣкъ, какъ Федоръ, несомнѣнно, идеально чистый, въ особенности въ отношеніи полового вопроса, который считалъ нравственнымъ грѣхомъ жить съ собственной женой при отсутствіи истиннаго чувства у нея къ нему, какимъ образомъ этотъ самый человѣкъ могъ почти раскаиваться въ томъ, что не поступилъ по-собачьи съ женщиной и притомъ съ женой своего друга?

Если бы такое противорѣчіе дѣйствительно было, то оно относилось бы къ числу тѣхъ, о которыхъ мы уже говорили выше, ибо безъ противорѣчій немыслима жизнь человѣка вообще, и только отвлеченная доктрина не знаетъ противорѣчій. Но намъ сдается, что въ этомъ случаѣ никакого противорѣчія у Толстого въ сущности нѣтъ и, приступая къ доказательствамъ отсутствія противорѣчія, мы можемъ слегка вскрыть отношеніе Толстого-художника къ этому, съ одной стороны, вѣчному, а съ другой—злободневному вопросу, т. е. половому вопросу. Какъ истинный художникъ, Толстой не отрицалъ и не могъ отрицать того, что въ каждомъ, даже въ самомъ лучшемъ человѣкѣ есть звѣрь, что этотъ звѣрь со всѣми себѣ подобными, т. е. со звѣрями, долженъ поступать по-звѣрски, т. е. не то, что долженъ, конечно, а просто всегда будетъ поступать такимъ образомъ. Федоръ не потому раскаивается, пощадивъ свѣтскую женщину, что ранѣе былъ влюбленъ въ нее по-собачьи, такъ какъ это ему непріятно, а раскаивается онъ именно потому, что, если хотите, обидѣлъ эту свѣтскую женщину, оскорбилъ въ женщинѣ самое женское: она, свѣтская женщина, жена его друга, назначила Федору свиданіе, а онъ, своимъ предыдущимъ поведеніемъ вызвавшій это свиданіе, нанесъ ей тяжкое оскорбленіе, не воспользовавшись свиданіемъ. И вотъ, Федоръ говоритъ Пѣтушкову, что къ чувству радости, что онъ поступилъ порядочно, примѣшивается какъ бы раскаяніе, какъ бы сожалѣніе о томъ,

что онъ обидѣлъ эту женщину, а, можетъ быть, даже обидѣлъ немного себя, конечно, какъ звѣря. Вообще не слѣдуетъ думать, что Толстой-художникъ, подобно тому, какъ Толстой-мыслитель, отрицаетъ обыкновенныя отношенія мужчины къ женщинѣ и считаетъ ихъ грѣхомъ. Такая мрачная, безнадежная хлыстовская антихристіанская философія любви Толстого-мыслителя не подтверждается Толстымъ-художникомъ. Художникъ порвалъ всѣ пути безумной и ошибочной діалектики мыслителя, какъ только онъ взялъ въ руки заброшенную кисть, отряхнулъ пыль съ мольберта и въ неудержимомъ порывѣ божественнаго вдохновенія сталъ писать картины дѣйствительной жизни. На мѣсто худосочнаго мыслителя-анархиста мгновенно всталъ и поднялся до своей недостигаемой высоты Толстой-титанъ, Толстой-сердцевѣдъ и Толстой, призванный Божьею милостью судья надъ людьми.

Теперь понятно, почему Толстой считалъ бы оскверненіемъ чистой любви Федора къ Машѣ, если бы онъ отождествился на непосредственный красивый, почти безумный порывъ цыганки, на ея женственно-женскій крикъ: „Это ужъ не твое дѣло. Я сама про себя знаю, гдѣ погибну“. Согласно точному тексту драмы Толстого, Федоръ Протасовъ никогда не любилъ Машу такъ, какъ слѣдуетъ мужу любить свою жену. Онъ любилъ ее просто, какъ человѣка, и только, какъ человѣка. Такимъ образомъ, любить Машу всякій, кто вдумался серьезно въ драму Толстого. Федоръ Протасовъ не можетъ лгать даже при всей своей деликатности, такъ какъ многіе люди лгутъ часто изъ одной деликатности. На прямой вопросъ Маши, любитъ ли онъ ее, Федоръ честно отвѣчаетъ: „Сама знаешь, что мнѣ одна радость въ жизни -- твоя любовь“. — Маша: „Моя-то — моя, а твоей-то нѣтъ“. И на это Федоръ отвѣчаетъ вопросами, но отвѣта прямого дать не можетъ, такъ какъ той любви, которой жаждала она, Маша, — въ немъ къ ней не было, и Маша поняла это. Какой страшной скорбью, какимъ отчаяніемъ зазвучалъ бы голосъ Маши,

какой трепеть пробѣжалъ бы по залѣ, если бы, дѣйствительно, большая артистка прошептала бы, въ такую минуту, склонивъ свою красивую голову: „Федя, за что ты меня мучишь“.

Мы подходимъ къ тому мѣсту въ драмѣ Толстого, которое вызываетъ наиболѣе, какъ будто, справедливыя нареканія поверхностныхъ критиковъ. Ибо, дѣйствительно, на первый взглядъ кажется нѣсколько тривіальнымъ, когда Толстой, этотъ великій мастеръ слова, говоритъ, что Федоръ потому не могъ быть счастливъ съ женой, что у Лизы не было „изюминки“. Банальнымъ это выраженіе можно рѣшиться назвать только потому, что уже наше ухо слишкомъ привыкло къ подобному же слову „клубничка“, и притомъ мы привыкли понимать его въ пошломъ смыслѣ. Точно также въ свое время грубымъ считалось имя „Татьяна“ и нуженъ былъ гений Пушкина, чтобы перевернуть внутренній смыслъ этого имени. Теперь имя Татьяна возбуждаетъ представленіе о недостижимой, для обыкновенной женщины, красотѣ физической и моральной. Между тѣмъ, Федоръ совершенно ясно поясняетъ, какъ Толстой понималъ слово „изюминка“. Федоръ говоритъ объ изюминкѣ, которая заставляетъ играть квась, иногда рветъ бутылку, но всегда пѣнитъ и искритъ напитокъ: „Не было игры въ нашей жизни“, говоритъ онъ, „а безъ игры не забудешься“, „а мнѣ нужно было забываться“. Въ этихъ послѣднихъ словахъ—весь смыслъ фразы объ изюминкѣ. Федору было необходимо забыться, такъ какъ безъ этого онъ хорошо помнилъ и сознавалъ, что жизнь его съ Лизой не сложилась, потому что она его никогда не любила той любовью, безъ которой, по мнѣнію Федора, невозможна семейная жизнь. Если вообще, по мнѣнію Федора, а не Толстого-художника, обычные отношенія мужчины и женщины—грѣхъ, то такъ же, по его мнѣнію, какъ и по мнѣнію Толстого-художника, грѣхъ перестаетъ быть имъ—отпускается и претворяется въ таинство брака, если семейная жизнь освѣщена и облагорожена

истиннымъ чувствомъ, если въ бракѣ люди ищутъ не только удовлетворенія своихъ физическихъ потребностей. При такомъ бракѣ, по выраженію Федора, жизнь играетъ и искривляется, какъ вино, которое благословилъ и приумножилъ Христосъ въ Канѣ Галилейской. Въ виду того, что съ женой жизнь Федора представлялась невозможной, за отсутствіемъ такой игры въ ихъ отношеніяхъ, Федоръ лично считалъ необходимымъ прекратить весь ужасный обманъ его брака, который онъ считалъ прелюбодѣніемъ, ибо любовь была настоящей только со стороны его, Федора.

Неспособный лгать, онъ не могъ согласиться на обманъ, требующійся при разводѣ, а между тѣмъ онъ далъ слово, что освободить жену отъ себя. Рѣшивъ твердо съ этой цѣлью лишить себя жизни, Федоръ не былъ въ состояніи привести этого въ исполненіе. Первоначально убить себя ему казалось легкимъ и, оставшись одинъ послѣ сцены съ княземъ Абрезковымъ, онъ „сидитъ, молча улыбается“ и говоритъ: „хорошо, очень хорошо, такъ и надо, такъ и надо, чудесно“. Послѣ ухода Ивана Петровича Александрова Федоръ вздыхаетъ облегченно, — какъ сказано въ скобкахъ, — запираетъ за нимъ дверь, беретъ револьверъ, взводитъ курокъ, прикладываетъ къ виску, но вздрагиваетъ и осторожно опускаетъ. Мычитъ и затѣмъ шепчетъ: „нѣтъ, не могу, не могу, не могу“.

Совершенно различно моментъ этотъ понятъ Московскимъ Художественнымъ и Александринскимъ театрами. Москвинъ мелодраматиченъ, тянетъ эту сцену очень долго, изображаетъ всѣ отдѣльные моменты борьбы человѣка съ самимъ собой, когда, съ одной стороны, онъ твердо рѣшилъ лишить себя жизни, а съ другой — откладываетъ рѣшительную минуту, дрожащею рукою касается револьвера, отдергиваетъ эту руку назадъ, оправляетъ на себѣ одежду, подходитъ къ столу, отступаетъ и вновь быстрымъ движеніемъ хватается за револьверъ, чтобы, наконецъ, окончательно отбро-

силь его. Аполлонскій гораздо правдивѣе, гораздо проще, ведетъ эту сцену, быстро,—въ соотвѣтствіи съ желаніемъ автора, какъ оно выражено въ вышеприведенныхъ скобкахъ. Но, во всякомъ случаѣ, на обѣихъ столичныхъ сценахъ совершенно опредѣленно выражается, что Федоръ не лишилъ себя жизни только изъ животнаго чувства самосохраненія. Съ этимъ мы согласиться не можемъ. Безъ сомнѣнія, чувство самосохраненія играло значительную роль при отказѣ Федора отъ своего намѣренія лишить себя жизни, но подлинная жизнь всегда сложнѣе теоретическихъ построеній и намъ думается, что, согласно общему міровоззрѣнію Толстого - художника, Федоръ отказался отъ самоубійства не только изъ чувства самосохраненія, но и потому, что онъ прежде всего жилъ для правды. Въ такой кульминаціонный моментъ жизни человѣка, какъ моментъ совершенія убійства или самоубійства, когда вся сущность человѣка напрягается до послѣднихъ предѣловъ, несомнѣнно, логика ума, а, можетъ быть, даже и инстинктъ самосохраненія должны приходить въ такое состояніе исключительнаго напряженія, когда они теряютъ существенныя свои свойства, подобно тому, какъ средняго напряженія электрическій токъ убиваетъ человѣка, а доведенный до исключительно большого напряженія, онъ становится безвреднымъ. Въ такомъ исключительномъ положеніи не могли дѣйствовать ни логика, ни даже психологія даннаго момента, а дѣйствуетъ вся жизнь человѣка, начиная, можетъ быть, съ колыбельной пѣсни, подъ которую засыпалъ онъ когда-то, и, по мнѣнію Толстого, дѣйствительно хорошій, честный и правдивый человѣкъ не можетъ совершить даже задуманныхъ убійства или самоубійства потому только, что онъ хорошій человѣкъ.

Такъ или иначе Федоръ лишить себя жизни не могъ и очутился въ такомъ положеніи, что безъ лжи выхода ему не было. Онъ обѣщалъ освободить Лизу отъ себя, онъ считалъ это необходимымъ, съ одной стороны, съ другой — онъ не могъ идти обычнымъ путемъ развода и, на-

конецъ, оказалось, что онъ не въ состояннн устраниль себя лишеніемъ жизни. Когда онъ это послѣднее рѣшилъ, говоря: „не могу, не могу, не могу“, въ этотъ моментъ, несомнѣнно, преобладающимъ было чувство радости жизни. Вспомните въ „Войнѣ и Мирѣ“ неоднократно повторенное Толстымъ утвержденіе, что, избавившись отъ опасности, человѣкъ исключительно испытываетъ радость жизни до такихъ предѣловъ, что, видя, напримѣръ, какъ убивается солдатъ прежде всего испытываетъ чувство счастья, что убить не онъ. Въ такомъ же положеннн былъ и Федоръ. Онъ, несомнѣнно, испыталъ чувство животной радости, животнаго счастья, потому что онъ избавился отъ назначенной самому себѣ смертной казни. И вотъ въ такой моментъ появляется Маша: „Я догадалась, — говоритъ она, — не могу я безъ тебя жить“, упрекаетъ Федора въ томъ, что онъ ее не жалѣетъ, опровергаетъ всѣ его соображенія о необходимости лишить себя жизни не логикой, не доводами, а шепотомъ любви и самоотверженіемъ и, затѣмъ, съ чисто женскимъ, и въ такую минуту незамѣтнымъ для Федора искусствомъ предлагаетъ вмѣсто одного большого обмана, по ея мнѣнню, маленькій, который дѣйстви-тельно могъ казаться наилучшимъ выходомъ. Нѣтъ сомнѣнн, что Федоръ, только что испытавшій особое напряженіе жажды жизни, долженъ былъ психологически пойти на этотъ обманъ, и онъ пошелъ на него. Это былъ, конечно, компромиссъ, но, какъ правдивый человѣкъ, Федоръ казнилъ себя самъ за него. Не будучи въ силахъ лишить себя жизни физически, Федоръ рѣшилъ убить себя морально: онъ лишилъ себя имени, положенія, состоянн, всего, чѣмъ онъ былъ до сихъ поръ, онъ опустился на дно человѣческой жизни и считалъ себя погребеннымъ болѣе прочно и болѣе ужасно, чѣмъ если бы пуля пробила ему черепъ. Въ этомъ, конечно, и вся драма Федора, а не въ томъ, что онъ впослѣдствн оказывается на скамьѣ подсудимыхъ, и на этомъ Толстой

могъ бы поставить точку. Осуществившееся, къ сожалѣнію, самоубійство Федора въ концѣ драмы можно объяснить только тѣмъ, что Толстой не окончилъ „Живого Трупa“ и увлекся жизненной фабулой, давшей ему поводъ написать драму. Самоубійство Федора послѣ рѣчи защитника совершенно безсмысленно, ибо никого ни отъ чего не спасало. Это самоубійство только доказываетъ лишній разъ, какое глубокое презрѣніе имѣлъ Толстой къ Лизѣ и Каренину, ибо очевидно, авторъ полагалъ, что эти люди въ будущемъ могли бы жить вмѣстѣ, быть счастливы, рождать дѣтей, посѣщать своихъ знакомыхъ, однимъ словомъ, жить послѣ того, какъ изъ-за нихъ и ради нихъ въ ихъ присутствіи Федоръ совершилъ послѣдній обманъ своей жизни.

Оглядываясь на быстро пройденный нами путь изслѣдованія „Живого Трупa“, мы должны притти къ заключенію, что посмертное произведеніе Толстого дѣйствительно находится въ полной параллели съ романомъ его „Анна Каренина“. Въ обоихъ этихъ классическихъ образцахъ русской литературы Толстой проводилъ одну и ту же идею, такъ кратко и рельефно выраженную въ „Кругѣ чтенія“ на 23 апрѣля,—о необходимости исполнить ближайшій долгъ и не искать подвига. Оба эти произведенія должны быть объединены однимъ эпиграфомъ: „Мнѣ отмщеніе и Азъ воздамъ“, ибо какъ изъ романа, такъ и изъ драмы о Карениныхъ естественно вытекаетъ, что Толстой романистъ, драматургъ и вообще художникъ стоялъ на истинно-христіанской точкѣ зрѣнія, признавая, что надо любить ближняго, какъ самого себя, причемъ, согласно самому духу христіанства, онъ и долженъ былъ признавать, что правильно въ этой формулѣ ближній стоитъ выше самого себя. На этомъ именно основаніи Толстой осудилъ уходъ Анны и Лизы Карениныхъ отъ своего прямого долга для осуще-

ствленія стремленія къ личному счастью, т. е. для самоудовлетворенія. Обѣ Каренины потому виновны и потому казнены, что себя поставили выше ближняго, подобно тому, какъ Толстой-мыслитель передѣлалъ христіанскую основную формулу, признавъ, будто нужно самого себя любить, какъ ближняго, а не наоборотъ.

По мнѣнію Толстого, Анна Каренина не должна была уходить отъ мужа и своего ребенка, т. е. отъ своихъ прямыхъ обязанностей. По мнѣнію Толстого, Елизавета Каренина совершила сугубое нравственное преступленіе, сдѣлавъ то же самое не прямо, а косвеннымъ путемъ, принудивъ мужа бросить себя.

Итакъ, по мнѣнію Толстого-художника, уходъ чловѣка отъ своего долга есть не подвигъ, а нравственное преступленіе.

То же признавалъ и Достоевскій, когда на Пушкинскомъ праздникѣ сказалъ, что если бы ему предложили спасти міръ черезъ трупъ одного младенца, то онъ отказался бы отъ спасенія міра, такъ какъ черезъ трупъ, даже младенца, міръ спасти нельзя.

И. Вибиковъ.